

УДК 811.16'04(094)"13/14"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-76-4-71-75

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРОБЕЛОРУССКИХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ АКТОВ
XIV–XV ВВ. В СРАВНЕНИИ СО СТАРОРУССКИМИ

канд. филол. наук, доц. О.А. КЛИМКОВИЧ
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1785-6507>

В статье представлена характеристика особенностей стилистической организации старобелорусских частноправовых актов, созданных в XIV–XV вв., в сравнении со стилистической организацией старорусских частноправовых актов. Рассмотрены тексты, жанр которых определен как вкладные, данные, духовные, купчие. Проводится анализ структурно-смысловой организации данных текстов, выявляются и характеризуются используемые в них формулы, этикетные единицы, описываются средства, являющиеся средствами репрезентации текстовой категории точности.

Ключевые слова: история языка, частноправовые акты, историческая стилистика, стилеобразующие средства.

Введение. При изучении особенностей развития деловой письменности на старобелорусском языке важным является анализ языка частноправовых актов, созданных на территории современной Беларуси в период XIV–XV вв., так как, во-первых, язык этих текстов отражает региональные особенности создания деловых текстов, во-вторых, позволяет нам уточнить отдельные факты в истории развития старобелорусской деловой письменности. Сравнение этих текстов со старорусскими текстами позволяет нам установить сходства и различия в стилистической организации частноправовых текстов в двух близкородственных восточнославянских языках. Язык старобелорусских частноправовых актов не являлся самостоятельным объектом исследования, тогда как язык отдельных жанров старорусских частноправовых актов рассматривался в работах В.Я. Дерягина [1]. Важность таких исследований обозначена в работе Т.Г. Трофимович [2], сравнительно-сопоставительный анализ композиции старорусских и старобелорусских завещаний был проведен Н.В. Полещук [3], композиции, лексики и синтаксиса завещаний и купчих грамот – О.А. Климкович [4].

Цель представленной работы – рассмотреть стилистические особенности частноправовых текстов, проявляющиеся в употреблении средств репрезентации категорий стандартизованности и точности.

Отметим, что в отличие от значительного корпуса опубликованных старорусских частноправовых текстов, датированных XIV–XV вв., опубликованные частноправовые старобелорусские тексты представлены небольшим числом документов. Материалом данного исследования стали тексты 30 старобелорусских документов, написанных на кириллице и опубликованных в разных изданиях актового материала XIX–XXI вв.: «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» [6; 7], «Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв.» (Т. 1) [17], отдельных научных публикациях Ю.Л. Борейши [9], В.С. Позднякова [16], Ю.Н. Микульского [13–15], и тексты 50 старорусских документов, включенных в издания «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» [11], «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XVI вв.» [8].

Основная часть. Исследованные тексты относятся нами к старобелорусским как на основании места их создания (Полоцк, Минск, Витебск, Мстиславль, Новогрудок и др.), так и на основании спорадически встречающихся языковых особенностей [5], среди которых:

а) случаи аканья и гиперкорректных написаний с *о*: *сознаваемъ сами на себе...*, *доровали вечно* [16, с. 119], *кромъ большого олтаря* [10, с. 2];

б) смешение *в* и *у*: *не быть оу Полотськъ* [17, с. 61], *да вгородъ оу старомъ городе* [17, с. 62], *шьто маю на ком оузятъ(ь)* [15, с. 163], *не надобъ сѧ ѡстѧпати оу тое* [9, с. 357], *ненадобъ въ то сѧ вступати ни моимъ дѣтемъ, ни моимъ унучатомъ* [7, с. 233];

в) наличие приставного *в*: *а вѣт дѣба ручьем оу-в озеро Селигоръ* [17, с. 415];

г) случаи отвердения *шипящих*: *и тые з другими нашими службу служити повинни* [10, с. 2];

д) случаи отвердения *р*: *на Марынцы* [17, с. 245], *я, Василь Семеновъ с(ы)нъ Редка з Рылкович* [17, с. 477];

е) наличие *-ть* в 3-ем л. ед.ч.: *а хто иметъ вѣтнимати вѣт С(ва)тою Тро(и)ци – или вельможѧ, или попь иметъ продавати, да будетъ проклатъ в сѣи вѣкъ и въ будущи* [17, с. 62];

ж) наличие связки *есмо*: *постановили есмо церковь на дворъ нашомъ* [10, с. 2], *а даровали ес(ь)мо и дали* [16, с. 119], *приложили есмо печатъ(ь) пана воита новгородског(о)* [14, с. 267];

з) написания *хто, што*.

Жанры исследованных актов – это вкладные, данные, купчие, продажные, духовные грамоты. Вкладная – это ‘документ, удостоверяющий вклад, пожертвование’¹, данная – это ‘документ, закрепляющий право собственности на дар, пожалование, вклад’². Рассмотренные старобелорусские вкладные сохранились или в виде записей

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.). – М.: Наука, 1975. – Вып. 2: В – волога. – С. 198.

² Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.). – М.: Наука, 1977. – Вып. 4: Г – Д. – С. 170.

на полях книг Евангелия, принадлежащих монастырям, или как включенные в более поздние документы акты. В них использованы глаголы *дати*, *придати*, сочетания глаголов *даровати вечно и дати*, *дати и записати*, *поставити*, *приказати есми* и *дати*, *установити*. При упоминании документов используются лексемы *грамота*, *письмена*, *данье*, *запис*. Только в 80-х гг. XV в. фиксируется лексема *лист* (в текстах, адресантами которых обозначены великий князь литовский и смоленский архиепископ). В ст.-рус. текстах, определяющих передачу собственности монастырям и церквям, использовался глагол *дати* в разных формах *дахомъ*, *да*, *далъ*, *дал есмь*, по отношению к документам употреблялся термин *грамота*. Купчая грамота, купчий лист, продажный лист – это документ, который удостоверял сделку купли-продажи. В ст.-бел. текстах определяются следующие тенденции:

- 1) публикаторы называют жанр таких текстов или *купчим листом*, или *продажным листом*,
- 2) в документах других жанров, датированных XV в., такие акты обозначены как *купчие* / *купчие листы*,
- 3) в исследованных текстах употребляются лексемы *запис*, *лист* и в начальном блоке содержательной части глагол *продати*: *а се мы, по имѣни я, ... продали есьмо исподинѣ архиеп(и)ск(о)пѣ Ивнѣ, вл(а)д(ы)цѣ полоцкомѣ, землю нашу* [17, с. 415].

В ст.-рус. текстах используются формы глаголов *купити* (*купи*, *купиши*, *купил есми*), *продати* (*продаша*, *продал есми*), самоназвание жанра – *купчая*, *грамота*, *купчая грамота*. Духовная грамота – это документ, в котором фиксируется передача собственности по наследству. Старобелорусские тексты публикаторами определены как *духовные грамоты* или *тестаменты*, в текстах других жанров XV в. при упоминании таких документов обычно используется лексема *духовница* [19, с. 132], реже – *запис* [18, с. 73], *тестамент* / *тастамент* [19, с. 119]. В тексте духовной XV в. употреблена лексема *духовница* и глагол *писати*: *се яз, раб(а) Б(о)жия княз(и)ни Анна Михайловаа, пишу сию д(у)ховницу своимъ целымъ разумомъ, шьто маю на комъ оузят(ь), а шьто маю кому дат(ь)* [15, с. 163]. В ст.-рус. текстах фиксируются формы глаголов *писати* / *списати* (*пишу*, *писах*, *списах*), лексемы *рукописание*, *память*, *духовная*, *грамота*, *духовная грамота*. Жанр одной старобелорусской грамоты определен как *дароуны лист* [16, с. 119].

И ст.-бел., и ст.-рус. тексты отличаются четкой структурно-смысловой организацией, в которой можно выделить отдельные смысловые блоки (далее – СБ), входящие в состав зачина, содержательной части или концовки. В текстах отражается процесс формирования зачина и концовки, расширения содержательной части, однако эти процессы идут несколько по-разному.

Во-первых, СБ со значением сакрализации, фиксирующий и в ст.-бел., и в ст.-рус. вкладных и духовных грамотах и характеризующийся вариативным оформлением, отмечен в одной ст.-бел. купчей грамоте, созданной в Новогрудке: *во имя Б(о)жье аминь* [14, с. 267] (в XVI в. такие случаи тоже встречаются в ст.-бел. текстах), но не встречается в ст.-рус. текстах.

Во-вторых, именование адресанта в ст.-бел. частноправовых текстах могло быть включено в состав зачина отдельным СБ (*с[е] азъ, Андрѣи Данилыевичъ* [17, с. 61]) или входить в состав первого блока содержательной части. В ст.-рус. текстах именование адресанта всегда входило в состав первого блока содержательной части.

В-третьих, в ст.-бел. текстах с XV в. отмечено публичное объявление, вербализация которого вариативна: *сознаемъ сами на себе сим нашим листомъ каждому(у) добром(у), коли ком(у) бедетъ пострѣб(а) ег(о) видѣти або слышати* [16, с. 119], *предъ вѣсьми поч(е)стливыми люд(ь)ми, кот(о)рыи посмотрят(ь) на сии наши листъ или чтѣчи ег(о) послушат(ь)* [17, с. 415]. Публичное объявление также может быть представлено отдельным СБ или отдельной составляющей первого СБ содержательной части.

В-четвертых, в ст.-бел. вкладных XIV в. нет блоков, которые входят в состав концовки (СБ со значением именования свидетелей, именования писца, указания места и даты создания документа, юридического закрепления акта), одной из причин чего исследователи называют то, что страницы Евангелий, куда вносились такие записи, «заменяли эти записи» [12, с. 90]. В ст.-рус. текстах XIV в. такие СБ отмечены: *а к сеі грамоте приложихомъ свои печати* [11, с. 164].

В-пятых, в содержательной части ст.-бел. и ст.-рус. текстов обращает на себя внимание появление таких отрезков, в которых содержится подробное перечисление границ передаваемых угодий: *[сел]цо наше на Мырыцы со всимъ [...] селце изперва и доныне в собѣ маеть, по старѣю грань, какъ мы сами держали: почонишы вѣ болота великого рѣчьемъ Марынцемъ да в рекѣ Губоль, а рекою Губолу внизъ да в рѣкѣ водотѣчь, а тою водотѣчею в болото внять великое, а болотомъ да внять в Марынецъ рѣчькѣ* [17, с. 245], *а завод и межа старымъ томѣмъ врагомъ вѣ Тверци вѣ рику верхъ, да изо в(р)ага логомъ да в камен(ь), да верхъ логомъ противъ трехъ могилъ по Вышню могилѣ, да прямо в рѣкѣ во Тверцѣ, да по Тверци на нис возли привр Старскои, ишедъ лѣтъ Миденъскои да во Тверцѣ прямо* [8, с. 26], что свидетельствует о стремлении составителей документа к детализации изложения.

И ст.-бел., и ст.-рус. тексты отличаются наличием различных формул, среди которых выявлены как общие, так и характерные только для ст.-бел. или только для ст.-рус. текстов. Общими являются формулы *бити челом* / *бити чолом*, *страшный суд*, *живоначалная Троица*, *добрые люди*, *а на то послуши, отходя сего света*, *рабъ божий*, *по животе*, *при животе*, *приложити печати*, *дати на память*, различные варианты формулы *кому что дати* и *на комъ что взяти* и др. Выявляется ряд формул, соотносимых по своему значению: *дати твердо и непоушино* (ст.-бел.) – *дати в веки* (ст.-рус.), *а рубежъ той земли* (ст.-бел.) – *а межа той земли* (ст.-рус.). Только в ст.-бел. текстах отмечены формулы *переступить слово*, *печаловатися душою*, *положити рубежъ*, *положити грани*. Только в ст.-рус. текстах функционируют формулы *куда коса и соха и топоръ ходилъ, что к тому потягло издавна*,

кто будет по нем иной игумен, а на то бог послух и отец мой духовный. Как и в более позднее время, состав формул варьируется как за счет употребления различных грамматических форм, видовых форм глаголов, употребления синонимов, лексической замены одного компонента формулы на другой, расширения лексического состава формулы *вечно и неподвижно – вечно и непорушно, печаловатися душою – печаловатися мною, печаловатися домом, не поискивати земли – не поискивати пашины, а при том были – а при том моем записе – а при том месте были: а при том месте были княз(и) их м(и)лость: князь(в) Василей Григорьевич ...* [15, с. 163]. В текстах отмечено использование синонимичных формул: *а на то послоуси: Василей Дмитриевич...* [17, с. 243], *а при томъ были: князь Василей Григорьевич...* [7, с. 231], *а при тмъ свѣтки были воитъ новгородский Макаръ а Тишъ Гѣлехнович, Грин а Хотикъ Дмишкевичи* [14, с. 267]. Согласно Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ), слово *сведок*³ фиксируется в «Александрии» и в подтвердительной грамоте подольского князя.

Общность в употреблении этикетных единиц проявляется в случае характеристики божественной силы (*живоначалъная Троица*), употребления уничижительных эпитетов при характеристике адресанта текста (*раб бо- жий, смиренный Симеон, я, грешный*), соответствия лексем *господарь, господин* (ст.-бел.) и *господин* (ст.-рус.). Особенность ст.-бел. текстов – употребление ряда этикетных приложений, согласованных определений с положительным значением при упоминании других людей (*пан, пани, его милость, почестливые люди*) или абстрактных понятий (*добрая воля, лепшая спроведливость*).

Исследованные тексты характеризуются точностью изложения, чему способствуют распространенные именованная субъектов деловой коммуникации, точные временные характеристики. Тексты насыщены разнообразными средствами, служащими для повторения важной информации, их синтаксис отличается употреблением однородных членов, уточняющих конструкций, сложных предложений с придаточными определительными и условными.

Сходство при именовании лиц в ст.-бел. и ст.-рус. текстах XIV–XV вв. проявляется в употреблении одно-, двух- или трехкомпонентных антропонимов, к которым добавляются существительные, обозначающие представителей светской или церковной власти (*архиепископ, владыка, князь, княгиня, великий князь*), служителей церкви (*поп, дяк*), лиц разного социального и юридического статуса (*земець* – мясцовы жыхар, уладальник невялікага зямельнага надзелу⁴, *сябрь* – саўдзельнік, саўладальнік⁵). При именовании лиц других социальных статусов, рода занятий только в ст.-бел. текстах зафиксированы лексемы *вельможа, воит, крилошане, певец, скарбник, скоморох*. По данным панхронического корпуса НКРЯ слово *вельможа*⁶ встречается в неделовых текстах, в XIV в. – в полоцких вкладных, с XVI в. – в русских челобитных; *воит*⁷ отмечено только в полоцких текстах, *крилошанин*⁸ – в летописях XII в. и в текстах XIX в., *певец*⁹ – в текстах неделового содержания, *скарбник*¹⁰ – в одном поучении, датированном последней третью XV – первой половиной XVI в. и в тексте XX в., *скоморох*¹¹ – в жалованных, уставных, бессудных грамотах.

В именовании включены относительные прилагательные: в ст.-бел. *полоцкий, литовский* и др., в ст.-рус. *новгородский, спинский* и др. В ст.-бел. текстах используются сочетания предлога с существительным, указывающим на место *из Рылкович, из Витебска*, относительные и притяжательные прилагательные, существительные в Р. п., обозначающие принадлежность лица: *королевский сокольник, владычен певец: а при том быть пана Гѣндрѣвъ намѣсник, воеводы полоцкого, Вежсгаило, а изъ Витебска Мишко Володкович, а королевский сокольникъ Еремеи, а вл(а)д(ы)чень пѣвецъ шѣринъ, а слоуг пана Гѣндреевых Данило Волинецъ а Станишо Ескович* [17, с. 227], обобщающие сочетания: *а се мы по имени, вси мы посполито*.

³ URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Cn4SYwphEl8KFQoDbGV4Eg4KDNGB0LLQtdC00L7UgoKCgRmb3JtEgIKAAoL CgVncmFtbRICCGAKCQoDc2VtEgIKAAoVCgdzZW0tbW9kEgoKCHNlbXxzZW14CgsKBWZsYWdzEgIKACoQCggIABAKGD IgCiAAQAV4ADICCBM6AQE>.

⁴ Гістарычны слоўнік беларускай мовы: вып. 1–37 / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; рэдкал.: А.І. Жураўскі (гал. рэд.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1982–2017. – Вып. 12. – С. 210.

⁵ Там же. – Вып. 33. – С. 158.

⁶ URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CoIBEmcKZRJjChkKA2xleBISChDQstC10LvRjNC80L7QttCwCgoKBGZvcm0S AgoACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHfHnIbXgKCwoFZmxhZ3MSAgoAKhAKCAG AEAOYMiAKIABABXgAMgIIEzoBAQ>.

⁷ URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CnoSXwpdElsKEQoDbGV4EgoKCNCy0L7QuNGCCgoKBGZvcm0SAgoACgs KBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHfHnIbXgKCwoFZmxhZ3MSAgoAKhAKCAGAEAOY MiAKIABABXgAMgIIEzoBAQ>.

⁸ URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CoYBEmsKaRjNCh0KA2xleBIWChTQutGA0LjQu9C%2B0YjQsNC90LjQvQoKCg Rmb3JtEgIKAAoL CgVncmFtbRICCGAKCQoDc2VtEgIKAAoVCgdzZW0tbW9kEgoKCHNlbXxzZW14CgsKBWZsYWdzEgIKAA CoQCggIABAKGD IgCiAAQAV4ADICCBM6AQE>.

⁹ URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CnwSYQpfEl0KEwoDbGV4EgwKCtC/0LXQstC10YYKCgoEZm9ybRICCGAKCwo FZ3JhbW0SAgoACgkKA3NlbRICCGAKFQoHc2VtLW1vZBIKChghZ3ZW18c2VteAoL CgVmbGFncxICCGAQEAoICAAQChgYIAo gAEAFaAAYAggTOgEB>.

¹⁰ URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CoIBEmcKZRJjChkKA2xleBISChDRgdC60LDRgNCx0L3QuNC6CgoKBGZvcm0SA goACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHfHnIbXgKCwoFZmxhZ3MSAgoAKhAKCAG AEAOYMiAKIABABXgAMgIIEzoBAQ>.

¹¹ URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CoIBEmcKZRJjChkKA2xleBISChDRgdC60L7QvNC%2B0YDQvtGFCgoKBGZvcm 0SAgoACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHfHnIbXgKCwoFZmxhZ3MSAgoAKhAKC AgAEAOYMiAKIABABXgAMgIIEzoBAQ>.

И в ст.-бел., и в ст.-рус. текстах в содержательной части доминирует указание описательного времени, без упоминания календарного года, месяца, дня недели: ст.-бел. и ст.-рус. *по животе, при животе, вечно, в веки*, ст.-бел.: *до живота, опосле живота, опосле сего, по нас, тогда, потом, вечно, на веки*, ст.-рус.: *изстарины, тот день, день веший, доколе ..., дотолє*. Календарное время используется при указании года создания документа или года передачи собственности: *П(и)сан оу Новъгородѣ в лѣт 6989, июн(я) 27, инд(и)кта 14* [14, с. 267], *лѣта 7000 третїаг(о)* [8, с. 95]. В одном ст.-бел. тексте есть указание дней недели: *въ понедѣлокъ разъ, во второкъ и въ четвергъ* [10, с. 3].

Для исследованных текстов характерны разнообразные способы повторения информации: а) употребление лексических повторов: повторяются формы *купил есми, дал есми, рубежь* [17, с. 243], *пожни, ловища, земли* [11, с. 173–174] и др.; б) употребление антонимичных единиц, построенных на сочетаниях с частицей *не*: *съ куплями и со всимъ паданьемъ природныхъ и неприродныхъ моихъ* [7, с. 233]; в) использование однокоренных слов: *разсудитися, суд; река, речка* [17, с. 245], *списахъ, рукописание; купленный, купля; село, сельцо; прародители, родители* [11, с. 177]; г) употребление личных, притяжательных и указательных местоимений: *землю – тая земля – съ тыми землями – въ его земли* [7, с. 231], *землю – на ней – та земля – той земли* [11, с. 183]. В ст.-бел. текстах функционирует лексема *верхуписаный*, отсылающая к упомянутым ранее в тексте объектам: *ино впослѣ сего тоє земли всим намъ братѣником по имѣни и зъ вѣрхѣписаным, и жонам нашим, и дѣтѣм нашим ...* [17, с. 415].

Ряды однородных членов используются при перечислении субъектов, объектов, разнообразных действий: *а потомъ мнѣ, Василю Редце, а ни моеи жене и нашимъ дѣтемъ и ближнимъ нашимъ зъ нашего родѣ тоє земли моеѣ делниці ѲРылковичох со всимъ на все под Богданомъ Есковичомъ, и под его женою, и под его дѣтми, и под ихъ родомъ никомѣ не поискивати* [17, с. 477], *се купи Филипъ Григорьевъ у Яковлихъ дѣтѣи у Нефедѣи и у Смена Корельско[и] наволокъ, землю и воду, и пожни, и рыбныи ловища и всякии угодыя от Тоинокурѣи и до Кудмы* [11, с. 185]. Различия в построении таких рядов проявляются в особенностях употребления сочинительных союзов: общими выступают союзы *и, да*. Наблюдается разница в использовании союза *а*: в ст.-бел. текстах этот союз выступает как один из маркеров начала отдельных СБ, в качестве сочинительного союза и в качестве противительного союза, а в ст.-рус. текстах – в качестве маркера нового СБ и противительного союза. В ст.-бел. текстах отмечены союзы *але, а либо, яко ..., так: и зъ дѣконами заровно, яко болишему, такъ и меншему, дѣлится повинни будутъ* [10, с. 5].

В текстах используются конструкции со значением уточнения места: *у нашемъ монастыри, въ церкви у святого Іоана Предтечи, на островъ* [6, с. 27], *и на Мстѣ пожни на Великомъ омуту* [11, с. 173].

И в ст.-бел., и в ст.-рус. текстах придаточные определительные присоединяются с помощью местоимений *что / што, кто / хто, который*: *сельце у своей отчизнѣ, што ся мнѣ достало на мою дѣлницу чотовоѣ земли* [7, с. 232], *а хто промѣж нас а либо ближнихъ на[ш]ихъ имѣт(ь) поискивати, ино тот дастъ [вспо]д(а)[р]ю нашему [ко]р[олю] е[г]о [м(и)л(о)]с[ти] вину 20-цат(ь) рубле[и]* [17, с. 415], *а старци и люди, которыи живутъ на святого Іоана земли, и судити и рядити игумену Іоаньскому, самому зъ братѣю* [6, с. 28], *которыи озора истоками падуть въ Яренгу рѣку, то все Яренскии* [11, с. 190]. Придаточные находятся и в препозиции, и в постпозиции.

Средством связи придаточных условных выступают общие для ст.-бел. и ст.-рус. текстов союзы *ажо / аже*: *ажо ми са оучинитъ не быть оу Полотскѣ, даю сельце на Просмоужьци, свою о(т)чину и дѣдиноу* [17, с. 61], *аже кто почне вступатся или в землю, или в пожни, или в лѣсъ, или въ что ни хотя, а то очищивати Прокую зъ дѣтми и зъ братаномъ с Павломъ* [11, с. 179], в ст.-бел. текстах употребляется союз *коли* в значении ‘если’: *и они особливые молбы за здоровье наше отпраовати мають: въ понедѣлокъ разъ, во второкъ и въ четвергъ, коли того потреба будетъ* [10, с. 3], который в таком значении в ст.-рус. текстах функционирует в жалованных грамотах, и союз *накли*: *а пак ли хто перестоупитъ [н]аше слово, тои са росѣдитъ с нами предъ Богомъ на страшнѣмъ сѣдѣ* [13, с. 160], в главной части в этом случае возможно употребление слова *тогда*; в ст.-рус. часта конструкция *а будет*: *а будетъ у моеи жены сынъ, ино моимъ дѣтемъ животъ мои, и села мои, и челядь моя наполю, или будетъ дчи, ино выдасть ю братъ Федоръ по силе* [11, с. 168].

Заключение. Анализ стилистических особенностей старобелорусских и старорусских частнопрововых актов XIV–XV вв. показывает следующее:

1) частнопрововые старобелорусские акты XIV–XV вв. характеризуются сходством со старорусскими частнопрововыми актами этого же периода в структурно-смысловой организации, употреблении отдельных формул (*живоначальныя Троици, раб божий, а на то послухи*), этикетных единиц (*великий князь, господин, смиренный, грешный*), сочинительных союзов (*и, да, но*), средств связи придаточных условных и определительных. Если обратить внимание на регион создания старобелорусских и старорусских текстов, можно увидеть элементы совпадения некоторых языковых явлений в полоцких и витебских текстах с новгородскими: именно в них обнаруживается употребление лексемы *сябры*, сочетания *добрые люди*;

2) различия частнопрововых старобелорусских и старорусских текстов проявляются в а) употреблении в них отдельных смысловых блоков, которые имеют аналоги в латинских документах (СБ со значением публичного объявления); б) использовании лексем, характеризующих лиц разного социального статуса, которые или не встречаются в деловых старорусских текстах (*певец, крилошанин*), или фиксируются гораздо позже (*вельможа*), или употребляются в текстах других жанров (*скоморох*); в) появлении отличительных союзов: *але, а либо, яко ..., так, накли* в значении ‘если’ в старобелорусских текстах, функционировании союза *а* в качестве соединительного;

3) даже анализ не очень значительного количества старобелорусских текстов показывает некоторую разницу в их стилистической организации: так, например, грамота о пожаловании Мстиславскому монастырю отличается и структурой, и лексикой от других частноправовых текстов. Причиной этого может быть как высокий социальный статус адресантов, так и место создания документа. Известные нам частноправовые тексты не позволяют дать однозначный ответ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1980. – 50 с.
2. Трофимович Т.Г. Сравнительно-историческая стилистика восточнославянских языков в аргументации их статуса в период конца XIV–XVII века // Беларуско-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. арт. / склад.: Г.М. Мезенка, С.У. Нікалаенка; пад навук. рэд. Г.М. Мезенка. – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – С. 63–66.
3. Паляшчук Н.В. Кампазіцыйныя асаблівасці старабеларускіх і старарускіх тастаментаў [Электронный ресурс] // Славянские языки: системно-описательный и социокультурные аспекты исследования: сб. науч. тр. – Брест: БРГУ, 2014. – URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/15357> (дата обращения: 25.04.2023).
4. Климкович О.А. Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI веков. – Витебск, 2015. – С. 40–74.
5. Леванцэвіч Л.В. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: вучэб. дапам. – Мінск: РІВШ, 2020. – С. 25–27.
6. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-я Собств. е. и. в. канцелярии, 1846–1853. – Т. 1: 1340–1506. – СПб., 1846. – 428 с.
7. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-я Собств. е. и. в. канцелярии, 1846–1853. – Т. 3: 1544–1587. – СПб., 1848. – 362 с.
8. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв.: в 3 т. / АН СССР, Ин-т истории; редкол.: Б.Д. Греков (отв. ред.). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – Т. 1. – М., 1952. – 346 с.
9. Барэйша Ю.Л. Княжанне Дзмітрыя-Карыбута ў Новагарадку (1382–1393 гг.) па сведчаннях праспапаграфіі і нумізматыкі. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2021. – 640 с.
10. Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ: в 2 ч. / предисл. И. Григоровича. – Ч. 1. – М., 1824. – 148 с.
11. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / АН СССР, Ин-т истории; под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 407 с.
12. Груша А.И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). – Минск: Беларус. навука, 2015. – 464 с.
13. Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV–XVII ст.) / Падрыхт. Ю.М. Мікульскі. З царкоўных архіваў XIV–XVI ст. II. Найдаўнейшыя менскія граматы з архіва былога Узвасненскага манастыра (1478–1502) // Беларуская даўніна. – Вып. 1. – Мінск, 2014. – С. 132–143.
14. Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XIV–XVII ст.) / Падрыхт. Ю.М. Мікульскі. IX. Выбраныя дакументы да гісторыі Беларусі за 1481–1591 гг. з Нацыянальнага архіва ў г. Кракаве: з калекцыі Русецкіх і іншых // Беларуская даўніна. – Вып. 2. – Мінск: Выдавец А.М. Вараксін, 2015. – С. 261–307.
15. Miscellanea з архіўных і бібліятэчных сховішчаў (XV–XVIII ст.) / Падрыхт. Ю.М. Мікульскі. I. Беларускія граматы 1460–1544 гг. са сховішчаў Вільні і Варшавы // Беларуская даўніна. – Вып. 3. – Мінск: Выдавец А.М. Вараксін, 2016. – С. 131–199.
16. Пазднякоў В.С. Беларуская грамата XV стагоддзя: дароўны ліст княгіні Марыі намесніку віцебскаму Івану Ільінічу на сяльцо каля ракі Друць // «Герольд Litherland». – 2013. – № 19. – С. 118–125.
17. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 2 т. / под общ. ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Русский фонд содействия образованию, 2015. – Т. 1. – 864 с.
18. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 3: (1440–1498): Užrašymų knyga 3 / parengė: L. Anužytė, A. Baliulis. – 1998. – 161 c.
19. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 4: (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / parengė: L. Anužytė, A. Baliulis. – 2004. – 272 c.

Поступила 06.05.2025

STYLISTIC FEATURES OF THE OLD BELARUSIAN PRIVATE LAW ACTS OF THE 14TH–15TH CENTURIES IN COMPARISON WITH THE OLD RUSSIAN

V. KLIMKOVICH

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article presents the characteristics of the stylistic organization of the Old Belarusian private law acts, created in the XIV–XV centuries, in comparison with the stylistic organization of the Old Russian private law acts. The texts are considered, the genre of which is defined as contributions, spiritual, bills of sale. The structural and semantic organization of these texts is analyzed, formulas and label units used in them are identified and characterized, and the means used to represent textual categories of accuracy, abstraction, and imperativeness are described.

Keywords: history of language, private law acts, historical stylistics, style-forming tools.